

Александр Лейфер

ПИСЬМА УЧИТЕЛЯ

Должно быть, это может показаться странным: мы были знакомы семнадцать лет, а виделись лишь пять или шесть раз. Да и то все как-то мельком, на ходу, в спешке — в вестибюле «Союзкниги», где он работал, в какой-то пончиковой на ВДНХ (рядом, в одном из павильонов, открывалась в тот день Международная книжная выставка, к которой он имел отношение), в Омском пединституте — во время Первых и Вторых Мартыновских чтений...

С Виктором Григорьевичем Утковым познакомил меня Сергей Иванович Веремей. Познакомил заочно.

Дело в том, что в начале семидесятых я всерьез увлекся Дравертом, решив написать о нем книгу. Работал я тогда в отделе культуры «Омской правды», а моим соседом по редакционному кабинету как раз и был ветеран омской печати С. И. Веремей. Поработав в госархиве, в фондах краеведческого музея, в личной библиотеке Драверта, хранящейся в нашей Пушкинке, повстречавшись с некоторыми из знавших Драверта омичами, прочитав о нем все, что было можно, — я решил по-своему отметить 25-летие со дня смерти поэта-ученого. Напечатал в омских газетах две статьи — «Удивительная библиотека» и «Судьба одного архива». В первой говорилось о том, что могила его на Восточном кладбище находится в запущенном состоянии. Во второй речь шла о дравертском архиве в краеведческом музее. Это сейчас архив тщательно описан, изучается, а тогда представлял из себя неоформленную грудку бумаг, о чем я, ничтоже сумняшеся, и поведал читателям, думая помочь делу. Но если власти Куйбышевского района критику восприняли спокойно и пообещали летом привести могилу в порядок, то реакция тогдашнего руко-

водства музея была реакцией людей, чей сор вынесли из избы. Я понял, что путь к фондам музея закрылся.

— Ты не огорчайся, — сказал мне тогда С. И. Веремей, — ты продолжай работать. И вот что: напиши-ка Уткову, Виктору. Читал ведь его очерк о Драверте?

Очерк «Мои встречи с П. Л. Дравертом» в вышедшем незадолго до этого сборнике В. Уткова «Люди, судьбы, события» я, разумеется, читал. До сих пор, кстати, считаю его лучшим из всех мемуарных материалов о Драверте. Но о том, чтобы установить связь с незнакомым писателем, как-то не думал.

— Напиши, напиши, — говорил тогда Веремей, — сошлись на меня. А эти статьи приложи.

Немало хорошего сделал для меня Сергей Иванович за долгие годы нашего знакомства. Но, без всякого сомнения, больше всего благодарен я ему за это.

В Москву я написал. Ответ пришел сразу же:

«17 января 1971 г.

Уважаемый А. Э.!

Вчера с вечерней почтой пришло и Ваше письмо. Меня оно порадовало. Ваша заинтересованность в Драверте и судьбе его наследия мне близка и понятна. Статьи, которые Вы приложили к письму, произвели на меня хорошее впечатление.

Кое-что я уже предпринимаю по линии АН СССР. Однако — трудно. Как только у меня будет вырисовываться что-либо определенное или понадобится Ваше содействие, — сообщу.

Писать о П. Л. еще я вряд ли буду, хотя и с превеликим удовольствием написал бы книжку о нем. Но другие дела не позволяют мне этого. Буду рад, если смогу, быть полезным в Вашей работе.

Есть у меня к Вам и конкретное предложение. В издательстве «Книга» будет выходить альманах «Библиофил». Не сделаете ли Вы для него что-нибудь о Драверте? Нужно немного — до 5 стр. на машинке. Мож. быть — «Книги К. Э. Циолковского в библиотеке П. Л.», «Коллекция экслибрисов П. Л.», история какой-либо уникальной книги из его библиотеки и т. п. Альманах мы только начинаем (я член редколлегии), все материалы в нем должны быть ограничены темой книги, книголюбов, сделаны интересно.

В письме Вы упоминаете о Комиссаровском саде и

о заметке по этому поводу в «Правде». Я, вероятно, пропустил ее. Напомните и напишите, что с садом?

Как Вас зовут?

С уважением — В. Утков».

Так завязалась эта семнадцатилетняя переписка. То и дело вынимал я из почтового ящика какие-то необычные, наказанные белые конверты с красивыми марками. Отстуканные на машинке письма были то лаконичными — на четвертушке бумаги, то обширными, по несколько страниц. Все эти годы я знал: у меня есть понимающий, доброжелательный, компетентный наставник, заинтересованный союзник во всех литературных делах.

Впервые я собрал эти письма горьким февральским днем 1988 года, когда позвонили и сказали: «Умер Виктор Григорьевич». Писем оказалось более ста. Я начал раскладывать их по хронологии и внутренне вздрогнул, наткнувшись на письмо от 8 февраля 1977 года, — письмо об И. С. Коровкине, только что скончавшемся омском фольклористе и краеведе:

«Печальную весть получил я от Вас вчера поздно вечером. Так жаль Ивана Семеновича!

...Только сейчас просмотрел я его письма ко мне с 40-х годов, и он заново встал в памяти. И, как всегда, — горькое сожаление — как мало было сделано для него, как много упущено было... Страшная вещь — житейская текучка!..»

Значит, и он, получая очередное известие о смерти товарища, делал то же, что делаю сейчас я; перечитывал старые письма. Какой неотвратимый обычай.

Несмотря на то, что письма Уткова носят, как уже говорилось, характер деловой и конкретный, личность Виктора Григорьевича проявляется в них достаточно интересно — отдельным штрихом или какой-нибудь постоянно повторяющейся мыслью, коротко высказанным мнением.

В конце 1972 года вышла книга В. Уткова «Гражданин Тобольска. (О жизни и творчестве П. П. Ершова)». Вскоре я написал на нее рецензию и по наивности, как бы желая подстраховаться, послал ее текст Уткову, — на предварительный, так сказать, просмотр. И получил мягкий, но на всю жизнь запомнившийся урок литературной нравственности:

«За доброе отношение ко мне, выраженное в рецензии на «Гражданина Тобольска», — спасибо. Однако, Вы зря посылали мне копию с просьбой высказать свое мнение. Познакомился с рецензией я, конечно, с удовольствием, но делать какие-либо замечания или советы по ней — не могу, поймите, что это просто неудобно... Рецензию возвращаю и еще раз говорю Вам за нее — спасибо».

Или в другом ключе, хотя в общем на эту же тему.

Приближалось его 75-летие. Помню, загодя спросил его, не собирается ли в Омск: можно было бы записать юбилейную беседу для телевидения.

«В Омск пока не собираюсь, — отвечал он. — Что же касается моего 75-летия, то к датам своим вообще равнодушен. Сделано так мало... Надо работать, а не думать о юбилейных датах».

Вот как сообщал он о 70-летию лучшего своего друга — Леонида Мартынова:

«Юбилей мы его отпраздновали очень скромно — были только самые близкие люди — семь человек. Никаких торжественных заседаний не устраивали».

Что же касается того, что «надо больше работать», то вряд ли можно было больше, чем делал он сам.

«...после рабочего дня плюс два часа дороги я должен работать дома, и не делаю себе в этом никаких поблажек».

«Не ответил на Ваше последнее письмо, был занят сдачей книги и работой на Международной книжной выставке-ярмарке. Сейчас освободился от того и от другого и гашу задолженность по письмам».

«Извините за задержку, — был занят срочной работой по верстке воспоминаний М. В. Сабашникова».

«После приезда из Омска был очень связан с делами, накопившимися за время моего отсутствия. Потом была поездка в Ленинград, тоже по литературным делам, очень напряженная. Десять дней. Затем опять завершение разных текущих дел, работа над книгой, статьями... Словом, времени не хватает».

Командировок, кстати, у него для его возраста было поразительно много. «Был в командировке в Киеве и поэтому отвечаю с опозданием». «Сегодня уезжаю на неделю в Молдавию. Командировка». «Получил Ваше письмо, вернувшись из Средней Азии. Сегодня уезжаю на Украину»...

«Мартыновские чтения» в литературном музее им. Достоевского. В первом ряду, второй справа — В. Г. Утков.

Есть в одном из писем Уткова мысль, на мой взгляд, очень важная, может быть, в какой-то мере спасительная:

«Ваши беды — пустяки. Не придавайте им особенного значения, конечно, неприятно, но что поделаешь. На пути наших кораблей столько подводных рифов и мелей, что никакая искусная лоция не спасет от них... Самое главное — работать, не теряя веры в то, что твое дело нужно, и что кроме тебя никто другой его не делает».

Действительно, иной раз, когда сидишь за рабочим столом в спящей квартире и, зная, что на свете уже написаны миллионы книг, зачем-то пишешь еще одну, может быть, только это сознание (кроме тебя, никто другой) и спасает от соблазна плюнуть на все. Плюнуть, лечь спать, а наутро заняться чем угодно — разведением цветов, коллекционированием марок, рыбной ловлей и т. д.

В одном из самых первых писем Виктора Григорьевича была просьба: присылать вырезки из омских газет на исторические и историко-литературные темы. Так, сам того не зная, Утков научил меня совершенно необходимому для каждого пишущего занятию: я стал вырезать из газет нужное мне в двух экземплярах — и для него и для себя, раскладывая свои экземпляры по темам, пользоваться этим досье в работе. И сейчас, вырезая очередной газетный материал, иногда с грустью думаю: второго экземпляра не нужно...

Писателя-москвича, его до конца жизни интересовал Омск.

«Большое Вам спасибо за все газетные вырезки. Они очень интересны и говорят о том, что литературная жизнь Омска, в которой я раньше принимал активное участие, не затухает, а развивается, становится все интереснее. Это отрадно. Буду Вам только благодарен, если и в дальнейшем будете держать меня в курсе ее.

...Как отметили юбилей Достоевского?

Может быть, кто-либо из омичей еще станет участником альманаха?» (Речь идет об уже упоминавшемся «Альманахе библиофила». — А. Л.)

«Меня беспокоит судьба музейной библиотеки. Что-либо изменилось? Ответили ли власти на заметку Г. Перцеля? Что ответили? Напишите мне подробнее, вероят-

но, надо выступить в печати еще раз, если ничего не сделано. Знакомы ли Вы с Ниной Митрофановной Столповской? Если знакомы, — попросите ее написать мне письмо о положении библиотеки.

...Как идет подготовка к юбилею П. Л. Драверта? Что удалось протолкнуть? Напишите».

«Существует ли план выпуска Омского издательства? Кто директор? Думаете ли продолжить издание «Омского альманаха», журнала «Омская область»? Имейте в виду, что для Вас и Ваших друзей-литераторов эти издания станут хорошим подспорьем в работе».

«Хочу поздравить Вас с тов. Макаровым — мне сообщили об открытии Литературного музея в Омске. Наконец-то. Я помню, еще до войны мы хлопотали об этом, имея в виду устроить литературный музей в доме Антона Сорокина на ул. Красных Зорь (или на Лермонтовской? Запаятовал). Война помешала... Ну, а сейчас, как я понимаю, музей прочно встал на ноги...»

Это письмо от 17 сентября 1981 года. Литмузей был открыт позже. Уткову сообщили, видимо, о выставке «Из фондов будущего Литературного музея», которую мы делали летом того года. Тогдашний директор Омского ГОИЛ музея Ю. А. Макаров упомянут здесь вот почему. Когда мы были с ним в командировке в Москве (я работал тогда в музее и занимался как раз делами организации его филиала — нынешнего Литературного музея им. Ф. М. Достоевского), к нам в гостиницу пришел, по нашей, разумеется, просьбе, Виктор Григорьевич. Весь вечер длился разговор, из которого мы узнали немало нужного для будущего Литмузея: факты, имена, даты событий, адреса дальнейших поисков.

Его всегда интересовали люди, омичи. Постоянно в письмах приветы — С. И. Веремею, архивисту Е. Н. Евсееву, другим общим знакомым.

«Е. И. Беленького — очень жаль. Нельзя было ему ездить на юг. Каждый из нас достигает рубежа, когда юг противопоказан... А, впрочем, говорят, смерть причину найдет... Жаль, очень жаль Е. И., человек он был очень добрый и оставил хороший след...»

«Об А. Ф. Палашенкове стоит вспомнить и потому, что он был хорошим человеком, и потому, что многое сделал полезного. О нем бы надо книжку издать, о бескорыстном труженике, оставившем о себе добрую память».

Вот более обширная цитата:

«Своими вырезками Вы порадовали меня. Это — настоящее дело. Поднимайте и дальше забытые, но ценнейшие пласты культурного наследия Омска и Сибири. Для меня вырисовывается, может быть, и преждевременно, тема будущей Вашей книги — о забытых людях Омска. Конкретный, кажется локальный материал по своему значению выйдет далеко за пределы краеведения, местного интереса. И Палашенков, и Александров и еще многие и многие, которых Вы поднимаете из небытия — люди, принадлежащие не только берегам Иртыша, а тому всемирному движению человечества вперед, к счастью, которое и осуществляется отдельными личностями. Разве Ваня Коровкин, бедный Ваня Коровкин, над которым многие смеялись и которого понимали только немногие, не достоин того, чтобы о нем писали как о человеке замечательном, том праведнике, без которых не может существовать мир, как где-то писал о таких людях Лесков? Очень интересен и И. Н. Шухов, о котором знают мало и которого тоже следует поднять. Он не был праведником в обывательском смысле этого слова, но преданность его науке была беспредельна. И сейчас, например, мне говорили, его орнитологическая коллекция, собранная в низовьях Оби, считается одной из лучших в зоологическом музее АН СССР. А его мангазейская поездка!

Словом, в добрый час!»

Я не случайно почти целиком процитировал это письмо. Оно показывает Уткова как наставника, старшего товарища: одобрить, подбодрить, дать направление, помочь с публикацией — так было всегда, все семнадцать лет знакомства.

А были письма, которые я просто брал и шел с ними в библиотеку или садился за составление запросов в архивы, т. к. в письмах этих содержались целые библиографии по тому или иному интересовавшему меня вопросу.

Дай Бог каждому, вступающему в литературную (да и в любую иную) работу, чтобы в начале пути встретился ему такой учитель, каким был для меня Виктор Григорьевич!

